Nevzorov, Nikolai Kesarievich

Vasilii Andreevich Zhukovskii

891.71
Z63ZN

DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Св 31947

ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ЖУКОВСКІЙ.

8/Н-40
№ 201

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ
и
его воспитательное значеніе
для русскаго общества.

(Читано въ день столѣтняго юбилея В. А. ЖУКОВСКАГО, 29-го января 1883 г.).

Nevzorov, Nikolaĭ Kesarievich, 1848-1904

Н. Невзорова.

Библиотека ВСРП имени Ленина

КАЗАНЬ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1883.

Digitized by the Internet Archive
in 2019 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/vasilandreevichz01nevz

ав 3 127
8/Н-40 WP
891.71
Z63ZN

В. А. ЖУКОВСКІЙ.

Не прошло и трехъ лѣтъ, какъ вся мыслящая Россія горячо откликнулась и несла свою посильную дань памяти величайшаго изъ русскихъ геніевъ Ал. Сер. Пушкина. Въ нынѣшній, знаменательный день мы собрались праздновать столѣтній юбилей въ честь даровитѣйшаго изъ поэтовъ и благороднѣйшаго изъ русскихъ гражданъ В. А. Жуковскаго, учителя Пушкина и воспитателя незабвеннаго Царя-Освободителя. И торжество въ честь Пушкина, и настоящее торжество въ честь Жуковскаго служатъ неотразимымъ доказательствомъ поворота въ нашей умственной и нравственной жизни, поворота нашего сознанія къ поэзіи.

Красы, добра и правды идеалы
Блеснули вновь, какъ утра чистый свѣтъ.

Празднество въ честь великихъ героевъ русской мысли и русскаго слова, вмѣстѣ съ этимъ, служитъ яснымъ выраженіемъ пробужденія нашего самосознанія и подъема національнаго духа. Постараемся нарисовать идеальный, благородный и чистый образъ Василія Андреевича, опуская другія біографическія подробности. Это воспоминаніе о немъ будетъ, хотя и скромнымъ, но искреннимъ, изъ глубины сердца выходящимъ откликомъ. Чувствуемъ себя въ большемъ затрудненіи: оцѣнивать ли Жуковскаго, какъ человѣка, какъ лучшаго изъ русскихъ людей, или отдать предпочтеніе Жуковскому, какъ поэту . . Но, намъ кажется, что Жуковскій-поэтъ вышелъ цѣликомъ изъ Жуковскаго человѣка.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

29 января, 1783 года, въ селѣ Мишенскомъ, Тульской губ., Бѣлевскаго уѣзда, отъ бѣдной рабыни, плѣнной турчанки, родился мальчикъ «Вася». Незаконный сынъ помѣщика Аѳанасія Ивановича Бунина, маленькій Жуковскій получаетъ отчество и фамилію отъ сосѣдняго съ Бунинымъ помѣщика и друга его Андрея Григорьевича Жуковскаго. Одинъ великій писатель сказалъ, что не малое вліяніе оказываютъ на всю послѣдующую жизнь тѣ обстоятельства, при которыхъ вступаешь въ нее. На Жуковскомъ это подтвердилось всего яснѣе. Нѣсколько дочерей и внучекъ Бунина баловали „Васеньку", въ то время, какъ мать его, турчанка Сальха, выслушивала приказанья и только изрѣдка, украдкой, расточала материнскія ласки взятому отъ нея сыну. Недаромъ Жуковскій, уже 30-лѣтній мужъ, въ своемъ дневникѣ замѣчаетъ, что онъ «не успѣлъ быть сыномъ своей матери». Сальха рано умерла. «Я думалъ», говоритъ (*) онъ, „отдать права ея другой матери, но эта другая мать дала мнѣ уголъ въ своемъ домѣ, а отдѣлена была отъ меня вѣчнымъ подозрѣніемъ. Эта «другая мать»—дочь Бунина, Екатерина Аѳанасьевна Протасова. Она была гораздо старше Жуковскаго и не допускала съ своей стороны братскихъ къ себѣ отношеній. Но если ребенку приходилось стѣснять въ глубинѣ души всякія чувства, за то онъ умѣлъ найти для себя откликъ въ окружающей природѣ. Живописныя окрестности Мишенскаго, этого благоустроеннаго имѣнія, съ оранжереями, прудами, садами; виды на отдаленные, пышные луга и нивы, ручеекъ въ долинѣ, дубовая роща—все возбуждало чувство будущаго поэта. Недаромъ Жуковскій, вспоминая годы дѣтства, говорилъ:

Поля, холмы родные,
Родного неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ,
И первыхъ лѣтъ уроки,
Что вашу прелесть замѣнитъ?...

Какъ бы ни относилась къ нему не особенно образованная Екатерина Аѳанасьевна, во всякомъ случаѣ осталь-

---

*) Ссылки на письма, помѣщенныя Зейдлицомъ въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія", т. CXIII, за 1869 годъ.

ные члены семьи Жуковскаго, а это были его сестры, на много лѣтъ старшія, дѣйствовали благотворно: онѣ посѣяли въ немъ, еще ребенкѣ, религіозныя сѣмена, которыя впослѣдствіи дали обильный плодъ. „Васенька“ такъ разсказываетъ Зонтагъ, „съ бабушкой и родными всякій день ходилъ къ обѣднѣ. На царскихъ дверяхъ церкви довольно низко находился рѣзной Херувимъ. Послѣ херувимской пѣсни, когда затворяютъ царскія двери, Васенька поставилъ себѣ обязанностію цѣловать этого Херувима въ обѣ щечки“. Вѣдь женщины вообще набожнѣе мужчинъ: онѣ хоть и не любятъ объяснять, за то просто вѣруютъ. Въ средѣ этихъ-то взрослыхъ женщинъ, сестеръ и ихъ дочерей, своихъ племянницъ, ребенокъ игралъ, рѣзвился, ставилъ своихъ племянницъ и подругъ во фронтъ, заставлялъ ихъ маршировать, защищать укрѣпленія, сажалъ ихъ подъ арестъ. „Эти семейныя обстоятельства“, говоритъ Плетневъ, „подѣйствовали, во 1-хъ, на образованіе души Жуковскаго, которая всегда отличалась нѣжностію, благородствомъ, набожностію и какимъ-то рыцарствомъ, во 2-хъ, на укрѣпленіе самой чистой любви и дружбы между нимъ и его племянницами“.

За дѣтскою жизнію въ Мишенскомъ слѣдуетъ школьная жизнь Жуковскаго. Десяти лѣтъ отдали его въ тульское народное училище, изъ котораго онъ „за неспособностью“ скоро былъ исключенъ. Мальчика съ впечатлительной душой уже тянуло къ поэзіи.

Въ Московскомъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, куда Жуковскій былъ отданъ и гдѣ довершилъ свое образованіе, онъ заводитъ самыя близкія дружескія связи со многими лицами и преимущественно съ сыновьями директора пансіона Тургенева. Извѣстно, что дружескія связи могущественно вліяютъ на развитіе всякаго человѣка, а особенно на человѣка съ нѣжнымъ сердцемъ. Тогдашнее образованное общество, въ которомъ пришлось вращаться Жуковскому, представляло слѣдующую картину: съ вступленіемъ на престолъ Павла I литературная дѣятельность возможна была только въ самомъ скромномъ сантиментальномъ направленіи; даже ввозъ иностранныхъ книгъ былъ строго воспрещенъ. То была пора, когда въ нашемъ образованномъ обществѣ особенно бросалось въ глаза мистическое благочестіе, что, конечно, не могло не отра-

зиться и на Жуковскомъ съ его природной мягкостію и воспріимчивостію.

По окончаніи студенческаго экзамена Жуковскій началъ приготовляться къ занятіямъ литературой. Онъ началъ много читать, переводить съ иностранныхъ и древнихъ языковъ. Онъ впервые сталъ извѣстенъ русскому обществу переводомъ элегіи „Сельское кладбище", который онъ сдѣлалъ въ Мишенскомъ по возвращеніи изъ Москвы. Предметъ элегіи, повидимому, довольно странный. Молодой, полный жизненныхъ силъ Жуковскій черпаетъ свои вдохновенія на кладбищѣ. Вѣдь жизнь поэту улыбалась! Онъ окруженъ товарищами и друзьями; его всѣ любятъ и уважаютъ, наконецъ онъ живетъ въ Мишенскомъ, которое полно для него самыхъ дорогихъ воспоминаній. Но не забудемъ, что Жуковскій прямой продолжатель Карамзина, не забудемъ, что тогда была мода юныхъ чувствительныхъ сердецъ къ мечтательности. Но вскорѣ послѣ нѣжныхъ струнъ дружбы, любви и мечтаній, въ лирѣ Жуковскаго слышатся другія ноты. Въ 1805 г., является его „Пѣснь барда надъ гробомъ славянскихъ побѣдителей"; его муза настраивается на высокій патріотическій ладъ и возбуждаетъ въ сердцахъ соотечественниковъ благородныя чувства любви къ дорогой родинѣ. Въ 1808 г. Жуковскій дѣлаетъ еще болѣе важный шагъ на литературномъ поприщѣ. Онъ принимается редактировать журналъ „Вѣстникъ Европы" и задается при этомъ самыми возвышенными цѣлями—распространять любовь къ просвѣщенію и поэзіи, доказывать ихъ необходимость для счастія людей, понимая, однако, просвѣщеніе и поэзію, какъ средства къ добродѣтели и религіозному смиренію. Съ этого момента онъ начинаетъ веселѣе смотрѣть на будущее: свѣтлая заря его жизни начинаетъ заниматься. Онъ, мечтательный и сумрачный, намекаетъ о счастьѣ, хоть и не опредѣляетъ его. Что же это за счастіе, о которомъ онъ мечтаетъ? Да вѣдь мы видѣли, что Жуковскому въ дѣтствѣ не пришлось испытать на себѣ настоящихъ семейныхъ радостей, такъ согрѣвающихъ душу: вотъ онъ и начинаетъ болѣзненно жаждать этого счастья. И какъ нѣжно, и поэтично онъ описываетъ его во многихъ статьяхъ въ „Вѣстникѣ Европы"! „Для писателя болѣе, чѣмъ для кого-либо", часто говаривалъ Жуковскій,

„необходимы семейственныя связи". Вотъ указывая на этотъ-то періодъ журнальной дѣятельности, Жуковскій и говоритъ: „Я во время оно", это пишетъ онъ уже въ 1849 г., „родитель на Руси нѣмецкаго романтизма и поэтитескій дядька чертей и вѣдьмъ, нѣмецкихъ и англійскихъ." *) Въ это время его увлекалъ Шиллеръ своимъ идеальнымъ благородствомъ; существомъ его овладѣвалъ и Гете, которому и „звѣздная книга открыта была". Духовное настроеніе Жуковскаго дѣлается все болѣе и болѣе розовымъ. Заря его жизни предвѣщаетъ ясный, свѣтлый день. У него уже созрѣла мысль о женитьбѣ на Марьѣ Андреевнѣ Протасовой; въ честь ея онъ слагаетъ пѣсни, проникнутыя любовію къ ней. Но чувства свои Жуковскій затаилъ отъ всѣхъ, выражая ихъ только въ стихахъ:

Есть одна во всей вселенной
Къ ней душа и мысль объ ней:
Къ ней стремлю, забывшись, руки:
Милый призракъ прочь летитъ.
Кто жъ мои услышитъ муки,
Жажду сердца утолитъ" **)?

Жуковскій дѣлаетъ предложеніе Марьѣ Андреевнѣ, рѣшается переговорить по этому предмету съ ея матерью Екатериной Аѳанасьевной, которая принимаетъ признаніе поэта очень сурово, даже запрещаетъ ему кому-либо сообщать о своемъ чувствѣ къ ея дочери. Замолкаютъ радостныя пѣсни поэта: жалоба, тоска и отчаяніе слышатся въ его новыхъ поэтитескихъ созданіяхъ. Напрасны были попытки склонить малообразованную, но за то набожную мать. Она упорно стояла на своемъ, что ея Маша все-таки родная племянница усыновленному Василью Андреевичу, что по законамъ православной церкви браки между подобными родственниками есть дѣло грѣховное. Тщетно даже самъ митрополитъ Филаретъ заявлялъ ей, что въ данномъ случаѣ нѣтъ кровнаго родства и что поэтому нѣтъ причины не допускать брака. Какъ бы то ни было, а Жуковскій, хотя и съ тяжелымъ чувствомъ, долженъ былъ подчиниться рѣшенію неумо-

*) Сочин. Жуковскаго, изд. 6, т. VI, стр. 721.
**) „Жалоба".

лимой Екатерины Аѳанасьевны. Это обстоятельство имѣло рѣшительное вліяніе на всю послѣдующую жизнь нѣжнаго и любвеобильнаго поэта. Теперь на его характерѣ и душѣ окончательно запечатлѣлась вѣра въ благость Провидѣнія, спокойный, со всѣми невзгодами примиряющійся взглядъ на жизнь. Несчастная любовь искала выхода въ поэтическихъ изліяніяхъ и, естественно выражалась въ меланхолическихъ мечтахъ. Какъ на бѣду, около этого же времени въ Россію вторглись несмѣтныя полчища французовъ. Меланхолическое настроеніе Жуковскаго, какъ патріота, усилилось еще больше. Лучшимъ выраженіемъ духовнаго его состоянія въ этотъ періодъ жизни служитъ сложенная имъ пѣсня „Пловецъ", которую Плещеевъ переложилъ на музыку;

Вихремъ бѣдствія гонимый,
Безъ кормила и весла
Въ океанъ неисходимый
Буря челнъ мой занесла.
Въ тучахъ звѣздочка свѣтилась:
Не скрывайся!—я взывалъ.
Непреклонная сокрылась,
Якорь былъ—и тотъ пропалъ".

12 августа 1812 г. Жуковскій надѣлъ эполеты поручика, сталъ въ ряды московскаго ополченія, участвовалъ въ битвѣ гигантовъ въ бою Бородинскомъ, смотрѣлъ на сдачу Москвы и, почти, въ виду ея развалинъ, на канунѣ Тарутинской битвы, написалъ свое знаменитое стихотвореніе „Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ", гдѣ такъ ярко выраженъ воинственный энтузіазмъ и патріотическое воодушевленіе, которыми билось сердце каждаго воина и всего русскаго народа.

Жуковскій послѣ сраженія подъ Краснымъ заболѣлъ горячкой, почему и отправился на родину.

Мы подходимъ къ самому интересному и важному періоду въ жизни Жуковскаго. Нашъ разочарованный поэтъ направляетъ свою музу на предметы болѣе возвышенные. „Я чувствую", говорилъ въ то время Жуковскій, „что теперь моя душа ближе ко всему высокому". Онъ, уже поэтъ извѣстный при дворѣ, какъ „Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ; своимъ „Посланіемъ Императору Александру I" онъ дѣлается извѣстнымъ и всей

Россіи отъ мала до велика. Это „Посланіе", ярко изобразившее событія 1812 г. послѣ побѣдоносной кампаніи, вслухъ, какъ торжественный манифестъ, читалось почти во всѣхъ захолустьяхъ нашего обширнаго отечества. Всѣ предъ обвитымъ свѣжими цвѣтами бюстомъ Императора Александра Благословеннаго, падали на колѣни, и съ глубокимъ благоговѣніемъ внимали вдохновеннымъ стихамъ поэта къ Русскому царю:

Прими жъ, въ виду небесъ, свободный нашъ обѣтъ:
За благость царскую, красньйшую побѣдъ,
За то величіе, съ какомъ явилъ ты міру
Толь древле славную отцевъ твоихъ порфиру,
За вѣру въ страшный часъ къ народу твоему,
За имя, данное на вѣ вѣка ему—
Здѣсь, окружая твой престолъ Благословенный,
Подъемлемъ руку всѣ къ рукѣ твоей священной:
Какъ предъ ужасною святыней алтаря,
Обѣтъ нашъ передъ ней: все въ жертву за царя!"

Какъ бы вѣнцемъ этого возвышеннаго патріотическаго настроенія Жуковскаго явился гимнъ: „Боже, Царя храни, славному долги дни дай на земли!" который, какъ извѣстно, сдѣлался такою же торжественною пѣснію всего русскаго народа, какъ и другой его народный гимнъ: „Боже, Царя храни!" переложенный па музыку А. Ѳ. Львовымъ.

Такъ какъ семейство Протасовыхъ, къ которому такъ привязанъ былъ Жуковскій, переѣхали въ Дерптъ, то для него Мишенское потеряло свою прежнюю притягательную силу. Здѣсь, въ Дерптѣ, вышла за мужъ за профессора Майера Марья Андреевна, этотъ его „благодатный геній".

Жуковскій возвратился изъ Дерпта въ Петербургъ и говорилъ; „романъ моей жизни конченъ, начну ея исторію".

Въ 1815 г., получивъ мѣсто чтеца при Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, нашъ поэтъ поселился въ Петербургѣ; теперь около него сгруппировались друзья: Карамзинъ, Гнѣдичъ, Дмитріевъ, Крыловъ и другіе. Жуковскій дѣлается центромъ и душею всего, что было лучшаго, передоваго между дѣятелями нашей литературы отъ 20 до 40 годовъ. Недаромъ его считаютъ „патріархомъ своей

многочисленной литературной семьи и маститымъ дѣдомъ" словесности нашего вѣка.

По субботамъ собираются у Жуковскаго всѣ литературныя силы, читаютъ предъ печатаніемъ свои статьи, въ шутку называютъ свои веселыя вечеринки „собраніями Арзамасской академіи". Душею этого общества, поставившаго своею задачею давать отпоръ шишковистамъ, былъ Жуковскій, ядовитыя, мѣткія эпиграммы котораго на счетъ своихъ враговъ по перу и разныя литературныя шалости возбуждали иногда неудержимый смѣхъ въ средѣ его друзей. Изданное имъ впервые въ 1816 г. собраніе стихотвореній упрочило въ тогдашнемъ обществѣ славу за Жуковскимъ, какъ за первоклассныхъ русскимъ поэтомъ. Отъ его произведеній повѣяло свѣжей поэзіей. Прежній худощавый, разодѣтый въ мишуру ложный классицизмъ и фальшиво-сладенькій сантиментализмъ сдѣлались невозможны. Новое молодое поколѣніе ухватилось за Жуковскаго.

Въ 1818 г. въ день рожденія покойнаго Царя-Освободителя нашъ поэтъ, какъ бы пророчески, говорилъ:

«Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ!
Да славнаго участникъ славный будетъ!
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій: „человѣкъ".

Выполненіе этой задачи—развитія въ Царственномъ отрокѣ высоко-гуманныхъ началъ и достались, къ счастію и благополучію Россіи, нашему поэту. Онъ приглашенъ былъ ко Двору сначала въ качествѣ учителя русскаго языка при Великой княгинѣ (впослѣдствіи Императрицѣ) Александрѣ Ѳеодоровнѣ, а потомъ былъ выбранъ въ наставники Наслѣднику престола, покойному Царю-Освободителю. Жуковскій не былъ простымъ учителемъ: онъ былъ учителемъ-поэтомъ.

Съ одной стороны онъ долженъ былъ открыть Великой Княгинѣ и Наслѣднику Цесаревичу сокровища и богатства родной рѣчи, а съ другой—переводить на русскій языкъ высоко-поэтическія произведенія иностранныхъ писателей: Шиллера, Гете, Уланда и др.

Своимъ присутствіемъ при Дворѣ Жуковскій, подобно дѣдушкѣ Крылову, умѣлъ возвысить въ глазахъ общества русскую рѣчь, заговоривъ прекраснымъ языкомъ въ то

именно время, когда слово „иностранное“ было однозначительно съ словомъ „умное“.

Жуковскій такъ высоко посмотрѣлъ на свои обязанности воспитателя при Наслѣдникѣ престола, что его занятія поэзіей отступили на второй планъ. „Не думавши, не гадавши“, пишетъ онъ въ письмѣ къ Зонтагъ, „я сдѣлался наставникомъ Наслѣдника престола. Какая забота и отвѣтственность! занятіе питательное для ума! цѣль для всей остальной жизни! чувствую ея великость и всѣми мыслями стремлюсь къ ней. Занятій множество! Надобно учить и учиться. Прощай навсегда поэзія—съ риѳмами!“ *) И вотъ среди этихъ-то интересныхъ занятій, среди, повидимому, полнаго жизненнаго счастія надъ Жуковскимъ стали собираться зловѣщія тучи. Роковое извѣстіе въ 1823 г. о преждевременной смерти Марьи Андреевны, страшно его поразило. Его „Маша“ была тѣмъ другомъ, вдохновлявшимъ поэта, въ которомъ онъ черпалъ свои силы. Теперь этого друга не стало. А между тѣмъ нѣжное сердце Жуковскаго попрежнему требовало пищи, требовало привязанностей и любви. Грозныя тучи все усиливались и усиливались... Тяжело было ему, искреннему патріоту, услышать о смерти нашего незабвеннаго бытописателя русской земли Н. М. Карамзина. Зловѣщія тучи все надвигались, надвигались.... и наконецъ разразились надъ Жуковскимъ; померла и другая его племянница—Воейкова. Мы понимаемъ теперь почему въ сѣтованіяхъ Цереры о разлукѣ съ дочерью при встрѣчѣ весны, слышенъ скорбный голосъ самого переводчика:

«Все цвѣтетъ, лишь мой единый
Не взойдетъ прекрасный цвѣтъ».

Съ этого момента чувство осиротѣлости вкрадывается въ душу Жуковскаго. „Мнѣ судьба теперь“, пишетъ онъ, „быть сиднемъ, и весьма одинокимъ сиднемъ“. Бывали, конечно, минуты, когда его вообще грустное настроеніе измѣнялось подъ вліяніемъ разныхъ лицъ, и особенно Пушкина, въ шутливо-веселое. Плодомъ такихъ минутъ являлись пьэсы въ родѣ: „Спящей царевны“, Войны мышей и лягушекъ“ и „Сказка о Царѣ Берендеѣ“.

*) Въ очеркѣ Зейдлица.

Бібліотека Абонемент

По достиженіи совершеннолѣтія Наслѣдника Цесаревича Жуковскій въ 1837 г. отправился съ Нимъ путешествовать по Россіи съ цѣлію ея изученія, чѣмъ собственно и закончилась его жизнь при Дворѣ.

Исторіи предстоитъ интересный вопросъ выяснить полнѣе и обстоятельнѣе, въ чемъ и какъ выразилось благодѣтельное, высоко-гуманное вліяніе Жуковскаго съ его нѣжной, тепло-сердечной натурой на ввѣреннаго его попеченію Наслѣдника Цесаревича.

Пока не подлежитъ сомнѣнію только тотъ фактъ, что Жуковскій не могъ не вліять на развитіе въ покойномъ Государѣ просвѣтительныхъ и освободительныхъ идей, Жуковскій, этотъ глубоко-религіозный человѣкъ, отпускавшій на волю изъ крѣпостной зависимости крестьянъ, принадлежащихъ ему, какъ помѣщику выхватившій изъ оковъ крѣпостничества Шевченку, ходатайствовавшій, и иногда удачно, о смягченіи участи декабристовъ, словомъ съумѣвшій пользоваться дружбою съ сильными земли для теплаго, безкорыстнаго служенія слабымъ и притѣсненнымъ. Вѣдь недаромъ Жуковскій о себѣ и своихъ обязанностяхъ воспитателя при Наслѣдникѣ Цесаревичѣ выражался, что съ нимъ въ то время „была поэзія другого рода, ему одному знакомая, понятная для него одного, но для свѣта безмолвная". *).

Переходимъ къ послѣднему періоду жизни и дѣятельности нашего дорогого юбиляра. Подобно Пушкину и Гоголю, онъ, этотъ пѣвецъ скорби и утраченнаго блага, въ послѣдніе годы жизни (1840-1852) впалъ въ религіозную мечтательность, которая подъ старость замѣнила романтизмъ его юности. Съ дѣтства набожный, Жуковскій теперь все больше и больше начинаетъ сосредоточивать свои мысли и чувства на предметахъ религіи. Описываетъ ли онъ природу Швейцаріи, разсуждаетъ ли о насильственныхъ государственныхъ переворотахъ вездѣ онъ смотритъ на міръ и исторію съ исключительной точки искренно вѣрующаго христіанина.

Давно, еще въ Дерптѣ, Жуковскій познакомился съ художникомъ-живописцемъ, безрукимъ гусаромъ фонъ-Рейтерномъ. Жуковскому нравилась его мечтательная и

*) Изъ письма къ Зонтагъ, въ „Очеркѣ" Зейдлица.

червно-подвижная молоденькая дочь. На самый выборъ невѣсты для себя Жуковскій посмотрѣлъ также съ мистико-религіозной точки. „Я хочу", говоритъ онъ ея отцу; „чтобы все устроило Провидѣніе, чтобы дочь ваша Елизавета безъ всякаго посторонняго вліянія произнесла роковое для меня „да", или „нѣтъ". И на закатѣ дней своихъ въ 1841 г. нашъ поэтъ попытался было испить тѣ семейныя радости, къ которымъ онъ давно стремился но которыя ему не давались. На мгновеніе поблекъ даже образъ его „Маши", всю жизнь сопровождавшій его; но не долго пришлось ему упиваться, „гармоніею двухъ душъ" и семейными радостями. Въ первое время своей новой жизни Жуковскій оживился, даже какъ будто помолодѣлъ, повеселѣлъ. Игривостью и веселостью дышатъ изданныя имъ въ это время сказки объ „Иванѣ-Царевичѣ и старомъ волкѣ" и „Котъ въ сапогахъ". Но семейный кругъ, умиротворившій духъ Жуковскаго, вмѣстѣ съ радостями возлагаетъ на него и новый крестъ: тесть и жена его заболѣваютъ. Теперь Жуковскій, всегда полный вѣры въ Провидѣніе, смотритъ на эти невзгоды, какъ на испытаніе за грѣхи; самое счастіе поставляетъ уже не въ радостяхъ беззаботныхъ, не въ поэтическихъ мечтахъ, а въ тревогѣ, ссорѣ съ самимъ собою, ведущей отъ души къ терпѣнію, отъ терпѣнія къ вѣрѣ. *) „Я убѣжденъ", говоритъ онъ, „что главное сокровище души заключается въ страданіи". Въ этомъ сказался религіозный мистицизмъ Жуковскаго. Въ эту пору онъ уже и не прежній поэтъ. „Я теперь", говорилъ Жуковскій, „съ риѳмою простился. Она, я согласенъ, даетъ особенную прелесть стихамъ, но мнѣ она не подъ лѣта. Она модница, нарядница, прелестница, и мнѣ пришлось бы худо отъ ея причудъ... Перешедши на старости въ спокойное пристанище семейной жизни", говоритъ тогда же Жуковскскій, „я захотѣлъ повеселить душу самобытною поэзіею, которая такъ животворитъ и покоитъ... Поэтому мнѣ и захотѣлось присосѣдиться къ простодушнѣйшему изъ всѣхъ разсказчиковъ"...

Въ силу вотъ какихъ побужденій Жуковскій рѣшился пересадить на нашу почву нѣжный цвѣтокъ древняго гре-

*) Письмо къ А. О. Смирновой, февраль 1845 года.

ческаго вдохновенія—Одиссею Гомера—не съ греческаго языка, котораго онъ не зналъ, а съ нѣмецкихъ, французскихъ и англійскихъ переводовъ.

Между тѣмъ физическія силы Жуковскаго съ каждымъ годомъ шли подъ гору: незамѣтно подкрались недуги, и особенно стала сказываться болѣзнь глазъ. Даже переводъ Одиссеи нужно было пріостановить....

Немногимъ изъ нашихъ поэтовъ удавалось доживать до такихъ торжественныхъ дней, какъ пятидесятилѣтній юбилей литературной дѣятельности, который былъ отпразднованъ въ честь Жуковскаго 29 января 1849 г. Императоръ Николай Павловичъ пожаловалъ Жуковскому орденъ Бѣлаго Орла *«въ ознаменованіе,"* какъ сказано въ грамотѣ, *«особеннаго уваженія къ трудамъ его на поприщѣ отечественной литературы, въ теченіи 50 лѣтъ подъемлемымъ, и въ изъявленіе душевной признательности за заслуги Царскому семейству оказанныя»*. Около этого же времени женой Жуковскаго было высказано желаніе перейти изъ протестантства въ православіе. Жуковскому особенно пріятно было выслушать это рѣшеніе своей жены. Онъ, не будучи фанатикомъ въ своихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ, тѣмъ не менѣе православію придавалъ особенное значеніе въ строѣ нашей государственной жизни: онъ даже и не представлялъ русской народности безъ православія. Всѣ эти обстоятельства подняли на нѣкоторое время ослабѣвшій духъ нашего поэта.

Живя за границей съ 1841 года, чрезъ 10 лѣтъ нашъ поэтъ, подобно Одиссею, рѣшился возвратиться въ свое отечество. Но воспаленіе глазъ, которое давно внушало опасенія, заключило его на 10 мѣсяцевъ въ темную комнату. Русскаго Гомера постигла такая же судьба, какъ и Гомера греческаго. Съ помощію какой-то самимъ сдѣланной машинки Жуковскій писалъ и чаще диктовалъ своему секретарю. Онъ ясно сознавалъ разрушеніе своихъ силъ, хотя и приступилъ къ переводу Иліады. За два дня до своей смерти онъ говорилъ священнику Базарову: «мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы знали, что послѣ меня остается. Я написалъ поэму: она еще не окончена; я писалъ ее, слѣпой, нынѣшнюю зиму. Это—«Странствующій Жидъ» въ христіанскомъ смыслѣ. Въ ней заключены послѣднія мысли моей жизни. Это моя „лебединая пѣсня».

Въ образѣ странствующаго жида, оттолкнувшаго отъ своей двери Спасителя, изнемогавшаго подъ тяжестію креста и за то осужденнаго на вѣчное странническое существованіе, Жуковскій представилъ обращеніе послѣдняго ко Христу и успокоеніе его въ Немъ. Главное въ поэмѣ—это высоко-кроткое и спокойное вѣрованіе поэта въ Мессію, его теплая любовь къ Нему.

Получивъ нѣкоторое облегченіе отъ болѣзни, Жуковскій опять началъ торопиться на свою дорогую родину. Но не суждено было творцу „Эоловой арфы", „Людмилы" и „Свѣтланы", нашему восторженному пѣвцу знаменитой эпохи 1812 года, не суждено было ему возвратиться въ отчизну!

За нѣсколько часовъ предъ смертію, онъ подозвалъ къ себѣ свою маленькую дочь и сказалъ ей: „поди, скажи матери, что я нахожусь въ ковчегѣ и высылаю ей перваго голубя: это—моя вѣра; другой голубь мой, это—терпѣніе". Уже поздно вечеромъ умирающій Жуковскій сказалъ своей тещѣ послѣднія слова: „теперь остается только матеріальная борьба, душа уже готова. Вотъ какъ величаво-спокойно умѣютъ умирать честнѣйшіе, благороднѣйшіе изъ русскихъ людей, религіознѣйшіе изъ поэтовъ!

Бренные останки усопшаго на пароходѣ отвезены были изъ Бадена въ Петербургъ и преданы землѣ въ Александро-Невской лаврѣ, рядомъ съ могилою не менѣе дорогого для русской земли, ея исторіографа, Н. М. Карамзина.

„Неизмѣримъ подвигъ Жуковскаго", говоритъ Бѣлинскій, „и велико значеніе его въ русской литературѣ! Его романтическая муза была для дикой степи русской поэзіи Элевзинскою богинею Церерою: она дала русской поэзіи душу и сердце.... Поэзія его воспитала нѣсколько поколѣній и всегда будетъ.... краснорѣчиво говорить душѣ и сердцу человѣка въ извѣстную эпоху его жизни" *).

Что же такое романтизмъ вообще, и романтизмъ Жуковскаго въ частности?

Романтическая поэзія получила свое названіе отъ того, что первыя ея произведенія явились, какъ извѣстно, на

*) Соч. Бѣлин. т. VIII, стр. 247.

языкахъ романскихъ, образовавшихся изъ смѣшенія латинскаго съ языками народовъ, сокрушихъ римское владычество. На развитіе этой поэзіи главнымъ образомъ вліяли христіанство и рыцарство. Извѣстно, что съ первыхъ же вѣковъ христіанской эры началась борьба между чувственнымъ и духовнымъ: тѣлесное подчинено духовному, земное небесному. Для романтиковъ идеаломъ красоты сдѣлался человѣческій духъ—его помыслы, чувства и желанія. Земная жизнь не удовлетворяла поэта: отсюда *грусть*, какъ главнѣйшій элементъ этой поэзіи.

Страданіемъ душа поэта зрѣетъ,

говаривалъ Жуковскій

За идеалами романтики устремлялись къ другому міру—таинственному, небесному, но какъ человѣку не возможно достигнуть его, то и стремленія романтиковъ отличались мечтательностію, туманностію. Это „несвободное отношеніе души къ жизни", *) подчиненное чему-то высшему, и есть то тревожное, то вѣчно-недовольное состояніе, которое живетъ въ груди человѣка, рвется на просторъ, это тотъ огонь, о которомъ говоритъ „мцыри", что онъ

Отъ юныхъ дней,
Таяся жилъ въ груди моей....
И онъ прожегъ свою тюрьму.

Но среди этого стремленія, „въ оный таинственный свѣтъ" въ романтизмѣ поражала чистота и глубина чувства, святость прошедшаго, вѣра въ прекрасное, въ неизмѣняемость дружбы, въ вѣчность любви, въ достоинство человѣка и благость Провидѣнія, стремленіе къ неземному, равнодушіе ко всему обыкновенному, ко всему, что *не душа*, что *не любовь*—однимъ словомъ вся романтическая поэзія—это „*поэзія души и сердца*" **).

Не малое вліяніе на романтическую поэзію имѣло и рыцарство съ его геройствомъ, съ его понятіями о чести, о долгѣ, съ его взглядами на женщину. Къ этому нужно прибавить, что въ средніе вѣка, какъ и въ древніе, особенно развита была вѣра въ чудесное, сверхъестественное; воображеніе населяло міръ разными духами и чудовищами. Всѣ эти неясныя грезы, таинственныя преданія,

*) Сочин. Ап. Григорьева, 1876 г. т. I, „Взглядъ на рус. литературу со смерти Пушкина".
**) Сочиненія И. В. Кирѣевскаго, т. I, стр. 20.

чудесныя происшествія и приключенія, всю эту поэзію, по словамъ Гоголя, *) можно было бы назвать „шалостью школьника", если бы въ ней не слышался тотъ младенческій лепетъ, которымъ подаетъ о себѣ вѣсть безсмертный духъ человѣка.

Что же это за романтизмъ, какъ онъ могъ возникнуть и какія имѣлъ права на свое существованіе?

Извѣстно, что жизнь отдѣльнаго человѣка и цѣлыхъ народовъ проходитъ въ своемъ развитіи разные періоды. Въ младенческомъ состояніи народа вся природа кажется живою, всѣ явленія ея олицетворяются, а судьба людей управляется и подчинена какимъ-то таинственнымъ силамъ. Тогда зараждаются и вѣрованія въ фантастическое царство страшныхъ силъ, мрачныхъ привидѣній и выходцевъ изъ гроба. Человѣчество пережило этотъ періодъ въ теченіе столѣтій. Это были средніе вѣка, которые и называются періодомъ юности человѣческаго рода. Но раньше сказано было, что въ содержаніе романтизма входитъ также „тоска по благамъ прежнихъ лѣтъ". Романтикъ живетъ не настоящимъ, а воспоминаніемъ прошлаго.

Все близкое мнѣ зрится отдаленнымъ,
Отжившее какъ прежде оживленнымъ.

Бѣлинскій справедливо спрашиваетъ романтиковъ: „Зачѣмъ эта ссора съ дѣйствительностію? Зачѣмъ это добровольное отриваніе себя отъ полноты ея прекрасныхъ и полныхъ жизни явленій? „Увы! горе тому", отвѣчаетъ онъ: **) „кто не перешелъ чрезъ эту добровольную ссору, кто не испыталъ этой тихой грусти, не извѣдалъ этого сладкаго страданья.... Горе тому, кому не мила была мысль о смерти, кто не любилъ для того, чтобы любить.... Да, горе ему", продолжаетъ Бѣлинскій: „онъ никогда не будетъ человѣкомъ, онъ никогда не узнаетъ дѣйствительности .... его дѣйствительность будетъ грубая, матеріальная, практическая, полезная, но сухая и пошлая". Чтобъ быть полнымъ человѣкомъ, нужно сначала пережить пору юности съ ея отвлеченными крайностями. Придетъ пора; наступитъ періодъ мужества—и прежніе

*) Сочин. Гоголя, т. IV, стр. 737.
**) Сочин. Бѣлин. т. IV, ст. 20.

интересы, прежнія забавы могутъ показаться, пожалуй, странными, смѣшными: потребуется тогда другая духовная пища, другіе интересы....

Вотъ здѣсь-то и содержится ключъ къ пониманію поэзіи Жуковскаго, къ опредѣленію слабыхъ сторонъ и достоинствъ его литературной дѣятельности.

Жуковскій осуществилъ необходимый періодъ въ развитіи нашего общества, періодъ, который отчасти соотвѣтствуетъ среднимъ вѣкамъ жизни Европы.

Напрасно поэтому обвиняли Жуковскаго, напрасно даже искали въ его поэзіи какихъ-нибудь освободительныхъ тенденцій, или научныхъ стремленій. Потребность въ этомъ у насъ пробудилась позднѣе. Развивать и подогрѣвать эти стремленія выпало на долю позднѣйшихъ поэтовъ. Напрасно обвиняли Жуковскаго даже и въ томъ, что онъ не зналъ русской жизни, переводилъ чужія произведенія, въ которыхъ, однако, нѣтъ русскаго духа, въ которыхъ „Русью не пахнетъ". Жуковскій, кромѣ патріотическихъ стихотвореній по поводу отечественной войны, не касался-де въ своихъ произведеніяхъ и современныхъ событій *). Онъ могъ-де сказать вмѣстѣ со всѣми романтиками:

Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ!

Въ поэзіи Жуковскаго, говорили **) и, пожалуй, теперь говорятъ, небыло даже живыхъ людей, въ ней двигались какіе-то призраки: картины его были, большею частію, отрывочны и туманны, мысль никогда не отличались глубиною.

Противъ всѣхъ этихъ и подобныхъ возраженій нужно, прежде всего, сказать, что нельзя обвинять поэта въ томъ, чего онъ не далъ, а можетъ быть и не могъ дать намъ, по самой своей природѣ. Что же касается отсутствія въ его поэзіи современнаго жизненнаго направленія, то не забудемъ, что онъ жилъ въ ту пору, когда въ силу унаслѣдованныхъ привычекъ отъ добраго, стараго времени, литература не имѣла даже права не только относиться критически, но и вообще касаться изображенія современной

---

*) „Историческіе очерки" Пыпина, въ „Вѣстникѣ Европы", 1871 г. май.
**) „Разсвѣтъ", т. XII, 1861 г.

поэту жизни. Эти традиціи поддерживались воспитаніемъ Жуковскаго и отчасти всей его дружеской обстановкой.

При оцѣнкѣ таланта Жуковскаго мы должны выяснить особенность, свойственную ему, какъ поэту-романтику, и оцѣнить его, какъ поэта-переводчика.

Почти всѣ литературныя направленія переходили къ намъ съ запада или заднимъ числомъ, т. е. въ ту пору, когда они тамъ уже отживали свой вѣкъ (псевдоклассицизмъ), или переносились къ намъ эклектически, т. е. заимствовалось оттуда понемногу всего—и хорошаго и дурного. И поэзія Жуковскаго не избѣжала этой участи. Пересаживая на нашу почву западно-европейскій романтизмъ, Жуковскій съумѣлъ придать ему особый оттѣнокъ. Нашего поэта занимало не столько чудесное и фантастическое, сколько изображеніе естественнаго чувства. Такъ, передѣлывая балладу Бюргера «Ленору» въ «Людмиллу», Жуковскій исключилъ много чудовищныхъ, грубыхъ и мрачныхъ картинъ изъ оригинала. Но еще дальше Жуковскій пошелъ въ балладѣ «Свѣтлана», которая далеко превзошла свой оригиналъ. Здѣсь уже мы видимъ, что Жуковскій больше дорожилъ изображеніемъ искренняго, теплаго чувства и русскихъ гаданій. Что же касается чудеснаго въ этой балладѣ, то онъ относится къ нему съ ироніей:

Улыбнись, моя краса
На мою балладу,—
Въ ней большія чудеса,
Очень мало складу.

Справедливо также замѣчаютъ *), что подобное отрицательное отношеніе поэта къ чудесному сказалось и въ повѣсти «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ», гдѣ въ первой части нѣкто Громобой, преслѣдуемый бѣдностію, хочетъ утопиться. Ему является въ роковую минуту бѣсъ и предлагаетъ богатство, требуя за то его душу. Бѣсъ такъ успокаиваетъ боязнь бѣдняка:

Ханжи причудники твердятъ:
Лукавый бѣсъ опасенъ.
Не вѣрь имъ, бредни! веселъ адъ;
Лишь въ сказкахъ онъ ужасенъ.

---

*) „А. С. Пушкинъ". Неселенова.

Мы жизнь пріятную ведемъ;
Намъ адъ не хуже рая;
Ты скажешь самъ, ликуя въ немъ:
Лишь въ адѣ жизнь прямая!

Изъ біографіи Жуковскаго мы видѣли, что ему въ жизни много пришлось перенести потерь и огорченій, видѣли, что все это способствовало развитію въ немъ меланхолическаго настроенія. Однако мрачное состояніе духа Жуковскаго имѣло отличный характеръ сравнительно съ западно-европейскими романтиками. Въ поэзіи его не слышно озлобленія, или безотрадно-тяжелаго чувства; напротивъ— его скорбь объ «утраченномъ благѣ» ослабляется воспоминаніемъ и надеждой найти утѣшеніе или въ прошедшемъ, или въ будущемъ. На все земное Жуковскій смотритъ невозмутимо спокойно. Вотъ почему онъ, не раздѣляя мрачнаго отчаянія Байрона, придалъ страданью «Шильонскаго узника» характеръ болѣе кроткій, болѣе мягкій, однимъ словомъ характеръ, болѣе любимый имъ.

Романтизмъ Жуковскаго, понимаемый въ указанномъ смыслѣ, надолго останется воспитательнымъ средствомъ для юныхъ душъ, полныхъ стремленій ко всему возвышенному, святому и завѣтному въ жизни. „Въ Жуковскомъ нѣтъ Пушкина", говоритъ *) Бѣлинскій, «но весь Жуковскій въ Пушкинѣ».

Останавливаясь на Жуковскомъ, какъ на поэтѣ-переводчикѣ, затрудняемся, вмѣстѣ съ Гоголемъ **), какъ назвать Жуковскаго: переводчикомъ, или оригинальнымъ поэтомъ?

Въ Жуковскомъ прежде всего поражаетъ тонкое, критическое чутье въ выборѣ произведеній для перевода. Пушкинъ, по словамъ Гоголя, сердился на Жуковскаго за то, что онъ не пишетъ критикъ. Свойство таланта Жуковскаго разбирать и оцѣнивать отражается не только въ переводныхъ, но и въ оригинальныхъ его описаніяхъ природы.

„Взявши картину, его плѣнившую, онъ не оставляетъ ея до тѣхъ поръ, покуда не исчерпаетъ всей, разъявъ какъ бы анатомическимъ ножемъ ея неуловимѣйшую подробность." ***)

---

*) Бѣлинскій, т. VIII, стр. 21.
**) Сочин. Гоголя т. IV стр. 737.
***) Ibid.

Другая черта, еще болѣе цѣнная, это умѣнье Жуковскаго переводить произведенія, или правильнѣе пересоздавать ихъ. „Пробѣжавъ оглавленіе его стихотвореній, видишь: одно взято изъ Шиллера, другое изъ Уланда, третье у Вальтеръ-Скотта, четвертое у Байрона, и все— вѣрнѣйшій сколокъ, слово въ слово, личность каждаго поэта удержана, негдѣ было и высунуться самому переводчику; но когда прочтешь нѣсколько стихотвореній, вдругъ и спросишь себя: чьи стихотворенія читалъ? Не предстанетъ предъ глазами ни Шиллеръ, ни Уландъ, ни Вальтеръ-Скоттъ, но поэтъ, отъ нихъ всѣхъ отдѣльный, достойный помѣститься не у ногъ ихъ, но сѣсть съ ними рядомъ, какъ равный съ равнымъ". *) Да оно и понятно. Самъ Жуковскій уясняетъ намъ процессъ, какой совершался въ его духѣ при переводахъ. „Поэтъ оригинальный воспламеняется идеаломъ, который находитъ у себя въ воображеніи; поэтъ переводчикъ въ такой же степени воспламеняется образцемъ своимъ, который заступаетъ для него мѣсто идеала собственнаго; слѣдовательно, переводчикъ, уступая образцу своему пальму изобрѣтательности, долженъ необходимо имѣть одинаковое съ нимъ воображеніе, одинаковое искусство слога, одинаковую силу въ умѣ и чувствахъ". Вотъ почему сами нѣмцы, основательно выучившіеся русскому языку, признаются, по словамъ Гоголя, что „предъ нимъ оригиналы кажутся копіями, а переводы его кажутся истинными оригиналами."

Эта способность «перевоплощенія въ геніи чужихъ націй» есть способность русская, національная. Народъ нашъ именно заключаетъ въ душѣ своей эту склонность къ всемірной отзывчивости. На эту-то отзывчивость, выразившуюся еще болѣе рельефно въ Пушкинѣ, какъ на нашу національную черту обратилъ особенное вниманіе и покойный поэтъ-психологъ Достоевскій въ своей извѣстной геніальной рѣчи при открытіи памятника Пушкину. Оба эти корифеи русской литературы—и Жуковскій, и Пушкинъ, хотя первый изъ нихъ сравнительно и въ слабѣйшей степени, воплотили въ себѣ чужіе геніи, воплотили духъ ихъ, даже всю затаенную глубину этого духа, всю

*) Ibid.

Библіотека Сибирскаго Университета

тоску его призванія. *) Вотъ тутъ-то отчетливѣе всего и выразилась наиболѣе національная русская сила, выразилась именно *народность* поэзіи Жуковскаго и Пушкина, *народность* въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, *народность* нашего будущаго.... Ибо, что такое эта сила духа русской народности, по мнѣнію Достоевскаго, какъ не стремленіе ея въ конечныхъ цѣляхъ своихъ къ всемірности и къ всечеловѣчности? Русская душа, геній народа русскаго, быть можетъ, наиболѣе способный изъ всѣхъ народовъ вмѣстить въ себѣ основныя нравственныя сокровища духа.

---

*) Смотр. рѣчь Достоевскаго въ „Дневникѣ писателя“ 1880 г.

Дозволено цензурою. Казань. 28 января 1883 года.
Типографія Губернскаго Правленія.

Цѣна 20 коп.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ гор. Казани и въ книжно-музыкальномъ магазинѣ „Восточная Лира".

Gaylord
GAYLAMOUNT®
PAMPHLET BINDER
Syracuse, N.Y.
Stockton, Calif.

DUKE UNIVERSITY LIBRARIES
Vasilii Andreevich Zhukovskii
891.71 Z63ZN
D90351856.